

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ»

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Водомеров Николай Кириллович

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет», кафедра «Экономика»
г. Курск, Российская Федерация E-mail: vodomerochnik@gmail.com

Одним из основных вопросов, обсуждаемых в монографии, является вопрос о соотношении политической экономии и экономикс. В его понимании авторы также не проявили единодушия.

Так, А.В. Сидорович полагает, что политическая экономия и экономикс изучают разные аспекты экономики, политэкономия – социально-экономические производственные отношения, отношения между классами; а экономикс «ориентирован на решение практических проблем развития рыночно-капиталистических отношений, исследование поведения субъектов рыночных отношений», это – «теория рационального использования ресурсов». По его мнению, «рассматривать «Экономикс» как разновидность политической экономии ... ошибочно и неправомерно» [с. 213]. При этом автор считает, что оба направления экономической науки необходимы для принятия практических решений. «Благодаря единству различных направлений науки, – пишет он, – преодолевается основное противоречие между односторонностью знаний и фундаментальностью экономической теории, что имеет огромное значение для организации её потенциала и признание нашей науки практически востребованной» [с. 215].

Аналогичной позиции придерживаются Ю.К. Зайцев и В.С. Савчук.

Близкую точку зрения развивает и А.А. Гриценко. Он считает, что «... Политическая экономия возникает из потребности увидеть за внешними формами проявления их более глубинные основания и сущность. Эта ее родовая характеристика... Если, наоборот, нет заинтересованности в постижении сущности, или есть заинтересованность в ее сокрытии, то подходящими являются функциональные подходы, которые не интересуются вопросами сущности, а концентрируются на описании механизмов функционирования, их математическом моделировании и совершенствовании. Эту роль исторически выполнил экономикс» [с. 20].

Похожую позицию занимает А.Е. Худокормов. По его мнению, марксистская политическая экономия и экономикс (неоклассическая теория) концентрируются на разных сторонах капиталистического общества. Первая – на противоречиях капитализма, она выяснила закономерности воспроизводства и экономического цикла. Вторая сосредоточена на проблеме выбора в условиях ограниченности ресурсов, она лежит в основе современной микроэкономики [с. 35–37]. Эти теории, как полагает автор, во многом являются антиподами, поскольку марксистская политэкономия пророчит гибель капитализму, а неоклассика (экономикс) – это «теория

совершенствования капитализма» [с. 37–38]. По мысли Е.А. Худокормова, отношение к указанным теориям зависит от фазы капиталистического воспроизводства. В период стабильного развития доминирует неоклассика, а в период кризисов усиливается внимание к марксистской политэкономии [с. 38–58].

М.И. Воейков видит различие между политэкономией и экономикс в другом. Он пишет: «Политическая экономия это идеологическая и политическая наука. ... Если выхолостить из политической экономии идеологические и политические сюжеты по необходимости все сведется к «Экономиксу» [с. 290].

Рассмотренные точки зрения, так или иначе не принимают во внимание тот факт, что экономикс не просто изучает принятие решений в условиях ограниченности ресурсов, но и настаивает на своей трактовке базовых категорий товарного хозяйства как единственно верной, в основе которой лежит теория предельной полезности. Это относится к таким категориям, как цена, капитал, заработная плата, издержки, прибыль, процент, рента. В марксистской же политэкономии (преемнице классической политэкономии) все эти категории объясняются с позиции трудовой теории стоимости. Иначе говоря, традиционная политэкономия, – не «новая» с ее разновидностями, – и экономикс являются двумя отрицающими друг друга концепциями базовых категорий современной экономики, двумя идеологиями-антиподами.

Научный анализ использования ограниченных ресурсов и поведения субъектов рынка возможны (и необходимы) и с позиции марксистской политэкономии, а вовсе не только благодаря экономикс. И блестящими примерами такого анализа являются как произведения классиков марксизма, В.И. Ленина, так и труды многих советских ученых. Более того, методы и модели анализа хозяйственной деятельности и поведения потребителей, как правило, используют перечисленные базовые категории безотносительно к тому, как трактуется их сущность. Это отнюдь не означает, что понимание сущности рыночных отношений не имеет никакого значения для деятельности людей. Оно имеет значение, прежде всего для выяснения закономерностей функционирования и развития производственных отношений капитализма, а также и для реализации коренных интересов классов и слоев современного общества. И если политическая экономия решает такую задачу, то экономикс, уходя от анализа противоречий и закономерностей развития капитализма, всячески пытается доказать справедливость буржуазного общества и его соответствие «природе человека».

По сути, прав М.И. Воейков, который пишет, что рабочему классу и всем трудящимся необходима политическая экономия, которая не только объясняет суть капиталистических отношений, но и выявляет пути перехода к социалистическому обществу. По его словам, «политическая экономия ... должна обосновывать, как нам быть с рынком, с каким рынком, и как будет осуществляться переход к нерынку. Поэтому все те экономисты, которые сегодня разрабатывают стратегии выхода страны из экономического кризиса на путях всеобщего благосостояния, сознательно или бессознательно занимаются политической экономией социализма. Эта наука в принципе должна описывать процесс преодоления рыночной экономики, ее завершающую стадию» [с. 297].

Что же касается «практичности» экономикс, то многие жизненно важные практические проблемы просто не имеют решения на основе экономикс, на что обращают внимание многие авторы монографии (А.Г. Арсеенко, П.С. Ещенко, Е.П. Семенюк, Т.Ю. и Ю.Ю. Туницы, И.И. Малый и др.). К таким проблемам в первую очередь относятся все глобальные проблемы человечества, проблемы экономических циклов и кризисов, трансформации социально-экономических систем и многие другие. Для их решения требуется именно политико-экономический подход. Для решения же практических вопросов хозяйствования на уровне предприятий используются методы анализа и прогнозирования, независимые от теории предельной

полезности, лежащей в основе экономикс. И ни один из «потребителей» на практике не строит и не будет строить «кривые безразличия» и «бюджетные линии», которыми он, согласно экономикс, должен руководствоваться при принятии решений.

На различный характер отражения реальности политической экономией и экономикс обращает внимание и Ю.М. Осипов: «Политэкономия хотя бы стремилась к некоторому отражению реальности и ее идейному оправданию [но и не только оправданию – Н.В.], а постполитэкономия если и ставила перед собой какую-либо научно-исследовательскую задачу, то только ей себя и посвящала (институционализм, кейнсианство, монетаризм, неoinституционализм), не слишком заботясь об адекватном отражении реальности, а все попытки целостного-де представления о реальной экономике сводила к ради самих себя сконструированным моделям (маржинализм, эконометризм, «неоклассицизм», факториализм и т. д.)» [с. 659].

На соотношении марксистской политической экономии и экономикс подробно остановился А.В. Бузгалин. Он считает, что различие между этими двумя направлениями заключается, прежде всего, в том, что марксистская политическая экономия изучает «действительное содержание капиталистического базиса», на основе которого возможно исследование и его превращенных форм; а «... лежащие в основе есономіс политико-экономические разработки выражают мнимое ... содержание этой экономики», экономикс описывает превращенные, фетишизированные формы производственных отношений [с. 552]. По мнению этого автора, марксистская политэкономия и экономикс имеют разный предмет исследования, хотя ряд объектов их исследования совпадает. «Методы исследования этих дисциплин, – пишет А.В. Бузгалин, – также весьма различны. Если для экономикс исходный пункт исследования – это прежде всего количественно измеримые (в подавляющем большинстве случаев – в деньгах) эмпирические данные, то для политической экономии – общественная практика, понятая как деятельность общественного индивида, а эмпирические данные в большинстве случаев – это не более чем косвенное отражение видимостей и превратных форм, которые надо исследовать с тем, чтобы добраться до истины, а не принимать как факт = критерий истины. Если само исследование для экономикс есть, прежде всего, позитивное, верифицируемое моделирование (как правило – математическое) процессов функционирования некоторых параметров рынка и регулирующих воздействий, то для политической экономии это исследование системы противоречий исторически развивающейся реальности, отображаемое в системе генетически взаимосвязанных категорий, где одни категории (видимость) отрицает другие (сущность) и лишь вся система дает конкретное представление о предмете, а противоречия есть симптом не ошибки, а приближения к истине. Математические же модели играют роль одной из форм отображения количественных взаимодействий, далеко не исчерпывающих сложный мир отношений экономической системы» [с. 556].

Принципиальными, по мнению автора, являются различия между марксистской политэкономией и экономикс в трактовке человека и общества, государства и фирмы. Кроме того, В.А. Бузгалин констатирует, что за рамками объекта исследования экономикс лежат нерыночные отношения, закономерности и противоречия развития самой рыночной экономики, отношения между классами и слоями общества, проблемы общественного воспроизводства. «Наконец, – пишет автор, – для есономіс по большому счету существуют только те экономические параметры, которые подлежат квантификации, могут быть количественно выражены. От всего остального ... эта теория просто уходит, объявляя ненаучным все то, что, по их мнению, нельзя «строго» (т.е. при помощи сколь угодно далекой от реалий математической модели) отобразить и верифицировать» [с. 559–560].

На наш взгляд, приведенные положения следует признать достаточно обоснованными, хотя и к ним следовало бы добавить еще один не менее важный момент: марксистская политэкономия и экономикс объясняют одни и те же экономические явления, основываясь на отрицающих друга, принципиально не совместимых исходных посылах.

Далее, если на основе марксистской политической экономии вполне и лучше объяснимы все те экономические явления, которые изучаются в экономикс, а экономикс в принципе не в состоянии объяснить широчайший круг явлений, исследованных марксистской политэкономией; то отсюда следует, что развитие экономической науки вполне может обойтись и без экономикс. Нужно лишь более детально проанализировать с позиции марксистской политической экономии те явления, изучение которых экономикс ставит себе в заслугу. Для этого, разумеется, требуется существенное развитие и самой марксистской политэкономии.

Авторы монографии не обошли стороной и теорию цены, которая образует главный пункт разногласий между марксистской политэкономией и экономикс. В этом вопросе проявились две основные точки зрения: 1) отставание трудовой теории стоимости, 2) неудовлетворенность трудовой теорией стоимости и поиски более общих подходов к пониманию цены.

Развернутые и основательные аргументы в защиту трудовой теории стоимости сформулированы в разделе монографии, написанном В.Н. Черковцом. Автор решает тройную задачу: а) обосновывает исходные категории и методологические принципы трудовой теории стоимости; б) дает ответ на критические выступления в научной литературе по адресу трудовой теории и в) приводит доказательства сохранения трудовой теорией стоимости научного потенциала для познания явлений современной экономики. Остановимся на ряде важных положений этого раздела.

Как отмечает В.Н. Черковец, «...творческая причина происхождения человека и развития человеческого общества связывается с трудом, создающим и использующим орудия труда в материальном производстве благ. Этот всеобщее-трудовой принцип на разных ступенях истории, в разных социальных системах реализуется сквозь призму прежде всего определённых производственных (экономических) отношений. В условиях товарно-денежных, рыночных отношений он проявляется в трудовой теории стоимости. И до тех пор, пока существуют эти отношения, трудовая теория стоимости не утрачивает своего объекта-предмета» [с. 352]. В условиях товарно-денежных отношений стоимость является мерой ценности затрат труда и потребительной стоимости. Если же общество достигнет такой стадии развития, когда не только будет установлена общественная собственность на средства производства, но и «живой труд фактически выйдет из процесса непосредственного воздействия на предметы труда в материальном производстве», тогда, – как пишет В.Н. Черковец, ссылаясь на Ф. Энгельса, – «стоимость постепенно перестанет играть роль «меры потребительной стоимости», которая будет прямо измеряться в адекватных формах её полезности». В таких условиях стоимость, как экономическое отношение, будет заменено прямым сопоставлением полезного эффекта и трудовой затраты при планировании производства. В этом будущем обществе возникнет и другая теория ценности, как снятие трудовой теории стоимости и теории предельной полезности [с. 361–362]. Но в сегодняшнем мире, отмечает В.Н. Черковец, процесс отмирания стоимости, «несмотря на иллюзорные представления забегающих вперёд теоретиков», «ещё в самом начале и, конечно, далёк от завершения даже в самых развитых в техно-экономическом отношении стран» [с. 359]. Поэтому трудовая теория стоимости остается востребованной. Как пишет В.Н. Черковец, «она и сегодня может служить отправной точкой развёртывания логического полотна стройной системы категорий, отражающих «горизонтальный» и «вертикальный» разрезы единой системы многообразия взаимосвязанных реальных социально-производственных отношений рыночно-капиталистической экономики в целом. ... способна играть роль методологического ключа системного анализа в полном раскрытии сложной ... социально-экономической структуры общества, источников доходов его членов, путей их использования, в способности дать целостную картину образа и уровня жизни людей, сопоставить различные модели современной рыночной экономики, а её с альтернативными экономическими системами прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего» [с. 367].

«Трудовая теория стоимости, – отмечает автор, – ориентирует общество и государство на рост производительности общественного труда как главный критерий высоты экономического развития страны, общую и исходную форму повышения эффективности общественного производства, ведущий фактор экономического роста и «богатства народов», подъёма их благосостояния. Современное развитие «постиндустриальных» методов производства, «экономика знаний» и проч. не уменьшают, а, напротив, усиливают значение труда в производственно-созидательной деятельности человечества и прежде всего в сфере материального производства». В экономикс же, констатирует автор, «проблема производительности труда, особенно в сфере материального производства, по сути погашена...» [с. 367]. Важно также понимать, что, как пишет В.Н. Черковец, «все виды основных доходов и в современной рыночной экономике содержат не бесплотную виртуальную начинку, а в конечном счете, общественно-трудовую субстанцию.... Все они питаются в конечном счёте из трудового источника... Теория же полезности (предельной полезности, потребительского выбора), поскольку она имеет дело с чисто функциональными, а не сущностными причинно-следственными зависимостями между факторами производства и приходящимися на них в результате распределения долями продукта, обходит этот вопрос» [с. 368]. Как обосновывает автор, трудовая теория стоимости является исходной базой научного понимания ценообразования и на услуги, а также «мировой процесс ценообразования и многие другие международные экономические отношения (связи), основу которых составляет объективное формирование региональной (группы стран) и интернациональной («глобальной») стоимости на базе национальных стоимостей обращающихся на мировом рынке товаров» [с. 368].

«Трудовая теория стоимости, пишет В.Н. Черковец, – является предпосылкой объяснения также одной из главных причин межстрановой миграции капиталов и рабочей силы, кредитно-денежных, валютных отношений и других мирохозяйственных явлений» [с. 368–369]. В то же время, – отмечает автор, – «трудовая теория стоимости ... не может непосредственно прилагаться к новым и модифицированным «старым» экономическим явлениям. Попытка такого рода способна лишь дискредитировать теорию и стать средством её ложного опровержения». Для понимания этих явлений необходимо восхождение от абстрактного к конкретному, «требуется логический переход через ряд «промежуточных звеньев», чтобы, выражаясь философским языком, объяснить действительность как «единство сущности и явления» [с. 369].

Преимущества трудовой теории стоимости, по мысли этого автора, и в более полном и глубоком объяснении процессов воспроизводства в сравнении с неоклассикой [с. 370]. Затрагивая вопрос о синтезе трудовой теории стоимости и теории предельной полезности, В.Н. Черковец подчеркивает: «...имеется существенная разница в том, что маржиналистская теория не идет в глубь системы производственных отношений, оставаясь на их феноменологическом уровне, классическая же политическая экономия в её марксистском продолжении выходит из её внутренних слоёв на поверхность явлений. И делает это, во-первых, просвечивая их прожектором сущностных оснований и, во-вторых, выводя их из этих оснований как объективно необходимые формы проявления последних. Поэтому, исходя из методологии обеих версий, неоклассическая теория не может дать и не претендует на то, чтобы дать целостное представление о рыночно-капиталистической экономической системе в единстве её «горизонтальной» и «вертикальной» структур, классическая же политическая экономия с её парадигмальной трудовой теорией стоимости не имеет ограничений в познании таких структур не только капиталистической системы в её прежнем и современном виде, но и всех других известных истории экономических систем» [с. 371].

Какаясь вопроса о проверке трудовой теории стоимости «на «верификацию» и «фальсификацию», В.Н. Черковец пишет: «...здесь не допустим шаблон. Как абстрактная, общая теория, трудовая доктрина стоимости не может, по аналогии с прикладной дисциплиной, непосредственно, прямолинейно, без посредствующих форм соотноситься с эмпирическими

фактами реальной хозяйственной практики. Их связь, как отмечалось, опосредована «промежуточными» звеньями, позволяющими судить (но лишь в конечном счёте!) о достоверности или недостоверности теории, о сохранении или утрате ею значимости для анализа современных ситуаций» [с. 369]. Трудовая теория стоимости, как и любая научная теория, – как отмечает автор, – «не может, конечно, канонизироваться вроде «священного писания». По мысли автора, «новая страница в трудовой теории стоимости и вместе с тем и новый раздел в экономической теории, расширяющий исторические рамки политической экономии» – «определение и обоснование условий финишной картины эволюции и отмирания товарно-денежных отношений, а вместе с тем ухода и трудовой теории стоимости с арены действующей науки» [с. 362].

На наш взгляд, приведенные выше положения достаточно аргументированы и их следовало бы принять во внимание, как противникам трудовой теории стоимости, так и тем, кто пытается «синтезировать» ее с теорией предельной полезности, или заменить в качестве основы анализа рыночных отношений той или иной «более общей» теорией стоимости (ценности).

Остановимся на иных точках зрения по поводу теории цены, высказанных авторами монографии.

К.К. Вальтух формулирует свою концепцию теории стоимости, которая, по его словам, «опирается, помимо работ Маркса, на крупнейшие достижения XX века в развитии экономической науки» [с. 380]. В начале своего раздела К.К. Вальтух рассматривает вопрос о верификации трудовой теории стоимости. Для этого он предлагает выражение дефлятора ВВП (p) как произведение трех множителей: «(1) обратной величины отношения фонда оплаты труда к ВВП, измеренному в текущих ценах $[Y/W]$, (2) средней оплаты единицы труда $[v]$ и (3) прямой трудоемкости ВВП, измеренного в ценах базового года $[T/Y_b]$ ¹» (с. 373), или:

$$p = \frac{Y}{W} \times v \times \frac{T}{Y_b} \quad (1)$$

Данная формула может быть представлена в следующем виде:

$$p = d \times v \times \frac{T}{Y_b} \quad (2)$$

где: d – величина, обратная доли фонда оплаты труда в ВВП.

Поскольку параметр d , как показывают данные статистики, изменяется год от году незначительно, то можно сделать вывод о том, что имеет место значимая связь между темпом роста дефлятора ВВП (p) и темпом роста средней номинальной оплаты единицы труда (величины $v \times T/Y_b$). К.К. Вальтух почему-то полагает, что данный факт является практическим подтверждением трудовой теории стоимости [с. 373]. Кроме того, он утверждает, что рост цен происходит в силу роста оплаты труда [с. 373]. На наш взгляд, с такими выводами трудно согласиться. По сути, К.К. Вальтух утверждает, что относительная устойчивость доли фонда оплаты труда в ВВП есть следствие только трудовой теории стоимости [с. 373]. Однако у неоклассики есть своя версия, объясняющая тот же самый факт, вытекающая из теории производительности факторов производства.

Аналогичную формулу К.К. Вальтух использовал для анализа темпов роста цен на продукцию отдельных отраслей экономики. Получился тот же результат: доля фонда оплаты труда в стоимости

¹ Используемые обозначения введены нами. – Н.В.

продукции отраслей относительно стабильна. Но этот результат объясним и с позиции неоклассики. К.К. Вальтух полагает, что «по своему действительному содержанию современный монетаризм есть не что иное, как некоторое истолкование одного из положений теории стоимости, а именно, Марксовой формулы количества денег, необходимого для обращения товаров. При этом формула дается без ссылок на теорию стоимости, без ссылок на Маркса, именуется «формулой Фишера» [с. 377]. С этим утверждением также вряд ли можно согласиться. Во-первых, уравнение, которое используется в монетаризме, – так называемая «формула Фишера», – в упрощенном виде было известно задолго до Маркса. Маркс внес в него существенное дополнение, учитывающее кредитные отношения, но проигнорированное монетаристами. Во-вторых, в монетаризме коэффициент кассовых остатков рассматривается как функция ряда переменных, чего нет в «формуле Фишера».

К.К. Вальтух провел корреляционный анализ зависимости темпа роста дефлятора от темпа роста денежной массы и выяснил, что между ними имеется слабая положительная связь. Отсюда он сделал вывод о значительно более слабой – по сравнению с трудовой теорией стоимости, – объясняющей способности монетаристской теории («формулы Фишера») [с. 378]. Думается, такой вывод недостаточно обоснован, поскольку в основе его все же лежит упрощенный вариант трактовки монетаристской модели.

Далее, автор полагает, что подтверждением трудовой теории стоимости является статистически значимая зависимость между темпами роста ВВП и производительности труда. Рассчитанный им коэффициент детерминации первой величины от второй по ряду стран колеблется от 0,661 до 0,962 [с. 379]. Но и это, к сожалению, нельзя признать подтверждением правоты только трудовой теории стоимости. Дело в том, что расчеты зависимости темпов роста ВВП от темпов роста труда и капитала, проведенные по модели Кобба-Дугласа, дают не меньшие, – а нередко и большие, – коэффициенты детерминации. Поэтому неоклассика также может претендовать на свое объяснение факторов экономического роста. На наш взгляд, верификация трудовой теории стоимости могла бы состоять, например, в проверке следующей зависимости: цены продукции в тех отраслях, где быстрее растет производительность труда, должны расти медленнее, чем в тех, где производительность труда повышается более низкими темпами.

Сравнивая трудовую теорию стоимости с теорией предельной полезности, К.К. Вальтух делает вывод о том, что первая, «... обладая большой объясняющей и прогнозной силой, ... является все же логически незавершенной и практически недостаточной. В ней не были – и не могли быть – решены две крупные проблемы: проблема неценового определения коэффициентов редукции труда (множителей, сводящих труд различных уровней сложности к простому); проблема общественной стоимости природных ресурсов» [с. 380]. С таким мнением вряд ли можно согласиться. Что касается коэффициентов редукции труда, то – поскольку соизмерение труда по сложности происходит рыночным путем, – то абсолютно точно их, разумеется, не сосчитать, – как не измерить стоимость товаров непосредственно в рабочем времени. Основа же измерения коэффициентов редукции труда в трудовой теории стоимости определена. Это – соотношение общественно необходимых затрат на подготовку работников соответствующих профессионально-квалификационных групп. Что касается «стоимости» природных ресурсов, то, с позиции трудовой теории стоимости, природные ресурсы не имеют стоимости, хотя имеют цену, в основе которой лежит рента, которая образуется благодаря использованию этих ресурсов. Размер ренты вполне объясним на основе трудовой теории стоимости.

Тем не менее, К.К. Вальтух предлагает свое решение указанных двух проблем, с которыми не справилась трудовая теория стоимости. Он пишет: «Нами было предложено осуществить решение этих проблем на основе информационной теории стоимости – обобщения трудовой теории стоимости, соединяющего ее с современной теорией информации» [с. 380]. Согласно этой теории, коэффициенты редукции труда «представлены как количества информации, воплощенной в

единице рабочей силы, находящиеся в обратной зависимости от кумулятивной вероятности (в этом смысле – редкости) различных квалификационных категорий работников в составе рабочей силы в целом... чем более квалифицирован труд, тем он менее распространен» [с. 380]. Данный вывод К.К. Вальтух подкрепляет расчетами коэффициентов корреляции между уровнем оплаты труда групп работников и «кумулятивной вероятностью» (редкостью) этих групп (т.е. их долей в общей численности работников). Причем автор каким-то способом (способ не раскрывается) даже рассчитал «прибавочную стоимость», создаваемую разными группами работников, что сделать в современной экономике не так-то просто, учитывая множество факторов, влияющих на выручку и прибыль предприятий. Из своих расчетов К.К. Вальтух делает вывод о том, что наименее оплачиваемая часть работников «не только не подвергается эксплуатации в современном капиталистическом обществе, но представляет собою частичных иждивенцев наиболее квалифицированной части работников» [с. 382]. Иначе говоря, низкооплачиваемые рабочие – иждивенцы директоров, которые получают жалование в десятки и сотни раз большее, чем эти рабочие. Более того, в свои соратники он записывает ...Маркса, из теории которого также будто бы следует, что «большая часть работников (работники относительно низкой и средней квалификации) являются (вместе с семьями; с учетом благ, получаемых из современных общественных фондов потребления) частичными иждивенцами наиболее квалифицированного меньшинства работников» [с. 383–384].

Аналогичным образом К.К. Вальтух подходит и к рассмотрению «стоимости природных ресурсов». С его точки зрения «стоимость природных ресурсов» находится в определяющей зависимости «от их распространенности (вероятности) в сфере жизнедеятельности человека – антропосфере» [с. 385]. На наш взгляд, приведенные выводы К.К. Вальтуха более чем сомнительны. Можно привести множество фактов, когда они не подтверждаются. Например, численность занятых рыболовством и рыбоводством примерно в 10 раз меньше, чем в сфере финансов. А уровень оплаты труда у первых примерно в 2 раза ниже, чем у вторых. По «информационной» же теории, соотношение в оплате труда должно быть в пользу рыболовов и рыбоводов, а не финансистов. Другой пример: разведанные мировые запасы медных руд примерно в 2,5 раза больше, чем запасы цинковых руд, а мировые цены на медь примерно в 3 раза выше, чем на цинк. По «информационной теории» должно быть как раз противоположное соотношение.

Но дело не только в этом. «Информационная теория» никак не выводится из анализа рыночных отношений, ее выводы вообще не зависят ни от каких отношений. Что является субстанцией стоимости в этой теории? Информация? Тогда причем тут редкость ресурсов? «Информационная теория стоимости» не имеет ничего общего с теорией Маркса, хотя К.К. Вальтух рассматривает ее как развитие этой теории. Теория К.К. Вальтуха, по сути, это – полный отказ от трудовой теории стоимости и от анализа реальных (в том числе – рыночных) производственных отношений вообще.

Другой автор монографии, А.А. Гриценко, полагает, что «формирование «новой» экономики» сопровождается новыми явлениями, которые требуют разработки обновленной теории стоимости, последняя обозначена автором «как социально-временная теория стоимости» [с. 321, 323]. Говоря о новых явлениях, А.А. Гриценко пишет: «... полезность сетевых благ, в отличие от ординарных, возрастает вместе с их количеством. Например, чем больше пользователей мобильной связи, тем больше полезность телефона. Соответственно растет и спрос. Поэтому кривая спроса на сетевые блага имеет совершенно иной вид по сравнению с кривой спроса на ординарные блага. Она возрастает по мере увеличения участников сети. ... Очевидно, что традиционные подходы и модели не помогут ответить на такие вопросы» [с. 321]. Думается, в данном высказывании не проводится различие между такими понятиями, как увеличение объема спроса и увеличение спроса. Если растет полезность телефона и увеличивается спрос на него, то это означает сдвиг кривой спроса вправо вверх, а не превращение кривой спроса в возрастающую линию. И «традиционные подходы и модели» вполне объясняют такие явления.

Как полагает указанный автор, «существуют объективные основания для рассмотрения» трудовой теории стоимости и маржинализма (т.е. теории предельной полезности) «как дополняющих друг друга». «Они, – пишет А.А. Гриценко, – выражают разные, переходящие друг в друга уровни отношений» [с. 321–322]. Автор аргументирует свою точку зрения следующим образом: «Если человек, например, во время пожара может спасти только один из полезных предметов, то он, безусловно, будет спасать более полезный. Если же выяснится, что они в одинаковой мере полезны, то будет выбран тот, на воспроизводство которого необходимо больше затрат труда и, соответственно, времени. В первом случае работает маржинальный принцип, во втором – принцип трудовой теории стоимости в своем зачаточном состоянии» [с. 322]. Однако довод автора не столь очевиден, как он полагает. Все дело в том, что считать «более полезным». Очевидно, что вещь, имеющую наибольшую стоимость, в рыночной экономике, – а именно она предполагается, – можно обменять на наибольшее количество полезных вещей, т.е. она как раз и будет иметь наибольшую полезность. Поэтому потерпевшему следует выбирать ту вещь, стоимость которой максимальна. Стоимость же вещи определяется отнюдь не индивидуальными предпочтениями потерпевшего, а рыночными отношениями.

Еще один аргумент А.А. Гриценко: «Если в условиях натурального хозяйства человек хочет иметь какое-то дополнительное благо, то он должен затратить время на его изготовление, т.е. превратить часть своего свободного времени в рабочее и на протяжении этого времени создать указанное благо. Если же свободного времени нет, то необходимо отказаться от изготовления других благ, на которые затрачивается эквивалентное количество рабочего времени. ...В приведенных формулах принципы маржинализма и трудовой теории стоимости в ее зачаточном виде применяются и поочередно, и одновременно. Они переплетаются в потоке экономических преобразований. Без них невозможно понять все слагаемые этого процесса» [с. 322]. Однако, на наш взгляд, к описываемым событиям не имеют никакого отношения ни трудовая теория стоимости, ни теория предельной полезности, поскольку они являются теориями ценообразования в условиях товарного хозяйства. И в качестве таковых они ни в чем не дополняют друг друга, а объясняют одни и те же явления исключаящими друг друга способами. Это – не стороны диалектического противоречия, а две научные концепции, из которых истинной может быть только одна. Такие ситуации имели место в науке. Вспомним, например, длительную борьбу между геоцентрической и гелиоцентрической теориями, или противостояние версии о создании человека богом и дарвинской эволюционной теории, которое не закончилось и поныне.

А.А. Гриценко рассматривает стоимость «как процесс». Он пишет: «Если в процессе формирования стоимости в ее классической форме переход осуществляется от индивидуального рабочего времени к усредненному и овеществленному, то исторический процесс происхождения трудовой стоимости идет в обратном порядке: сначала диалектически снимается овеществление (это связано с переходом к постиндустриальному обществу, где большая часть валового внутреннего продукта производится в виде услуг, которые не имеют овеществленной формы), потом отделяются затраты труда от времени воспроизводства, и, наконец, усредненное время воспроизводства блага (услуги) снимается индивидуальным» [с. 323]. Позволим себе и здесь возразить автору. Если оказание услуги не создает новой стоимости, – т.е. если труд, затраченный при ее выполнении, не материализуется в товаре, – то это вовсе не означает, что цена услуги измеряется непосредственно рабочим временем, а не стоимостью товаров, затраченных при выполнении услуги и необходимых для обеспечения жизнедеятельности работников, оказывающих услугу (т.е. овеществленным трудом). Кроме того, автор не привел доказательства своего утверждения о том, что затраты труда в качестве меры издержек в будущем будут заменяться «временем воспроизводства благ», сначала «усредненным», а затем и «индивидуальным». «Время воспроизводства» и затраты труда» – все же разные категории. Например, «время воспроизводства» пшеницы или крупного рогатого скота обусловлено естественными факторами. Другое дело –

затраты труда на выращивание пшеницы или скота. На наш взгляд, рабочее время – это всеобщая историческая форма издержек производства, которая в товарном хозяйстве принимает форму стоимости, а в нетоварном, непосредственно общественном выступает в своей непосредственной форме.

Названный автор считает, что «трудовая теория стоимости является исторической формой социально-временной теории стоимости ... Данная концепция включает и маргинальный подход, и теорию трудовой стоимости». Согласно этой теории, «... стоимость есть пространственно локализованное общественно-необходимое время воспроизводства благ, полезность которых превышает предельную» [с. 325]. В этом утверждении автора, в действительности, нет ни трудовой теории стоимости, ни теории предельной полезности. Если говорить о трудовой теории стоимости, то мерой издержек в конечном счете всегда является рабочее время, а не «время воспроизводства благ». А с позиции теории предельной полезности, предельная полезность индивидуальна. Предельную полезность для какого покупателя имел в виду А.А. Гриценко, не ясно. Далее, полезность всего количества товаров по теории предельной полезности всегда выше предельной полезности. Поэтому не ясно, о каких благах и каких их количествах идет речь в «социально-временной теории стоимости», а, значит, не определено и «общественно-необходимое время воспроизводства благ». По теории предельной полезности предельная полезность принимает форму индивидуальных оценок ценности благ, которые зависят не только от предельной полезности благ, но и от предельной полезности денег для покупателей. На рынке формируется цена спроса, которая равняется максимальной цене, по которой может быть продано данное количество товара. Все эти положения теории предельной полезности никак не отражены в «социально-временной теории стоимости».

А.А. Гриценко развивает далее свою концепцию: «Социально-временная теория стоимости служит методологическим основанием представительской теории денег, в соответствии с которой деньги – это представитель стоимости как эквивалента в обмене. Представление стоимости здесь должно пониматься не как мысленный образ субъекта, а как сложное соотношение ее материального и идеального бытия. Это идеальное бытие одного предмета (представляемого) в другом (представляющем)» [с. 325]. До сих пор считалось, что идеальное существует только в головах людей, но А.А. Гриценко обнаружил его новую форму – существование в неодушевленных предметах, хотя практического подтверждения наличия такой формы вряд ли удастся найти. Деньги, в соответствии с таким подходом, – это «идеальный» символ «в двух значениях, как нематериальный и как наиболее совершенный, достигший предельного соответствия своей сущности». Однако на практике реальные деньги прежде всего – это вовсе не идеальный символ, а материальные банкноты и разменные монеты, эмитируемые банками, хотя на их основе и построена расширяющаяся система безналичных расчетов, в том числе – «электронных денег», расчеты с использованием которых также материальны. «В деньгах, – пишет автор, – стоимость приобретает идеальную форму, хотя деньги имеют всегда материальный носитель» [с. 325]. На наш взгляд, данное положение нуждается в следующем уточнении: «Деньги – это определенный, общественно установленный «материальный носитель», отражаемый в головах людей как мера стоимости товаров». Цена, по мысли А.А. Гриценко, «выражает соотношение материального и идеального, она есть отношение материального к самому себе посредством идеального бытия в другом». «Описанный подход, – пишет автор, – можно назвать рефлексивной концепцией цены, которая опирается на социально-временную теорию стоимости и представительскую теорию денег» [с. 330]. В итоге у автора выходит, что стоимость, деньги, цена – не формы отношений между людьми, а формы отношений между вещами, наделенными человеческими способностями. Думается, что такое видение экономических форм лежит уже за рамками научного исследования.

Артемова Т.И. отмечает, что «...теория стоимости сегодня оказывается расколотой, и этот «раскол» провоцирует методологическую разобщенность трех основополагающих научных Журнал «Теоретическая экономика» №6, 2015

теорий (трудовой теории стоимости, неоклассического синтеза и неоинституционализма. – Н.В.) ... разобщенность основных течений современной экономической науки, их «замкнутость на себя», не идет на пользу ни одному из них: отображение объекта исследования даже в пределах собственного поля зрения оказывается здесь деформированным» [с. 333]. Особо негативно автор относится к марксистской теории стоимости. Она усматривает в ней «вопиющие логические противоречия», «логические пороки», которые «кроются в исходных постулатах марксизма», «свидетельствуют о несостоятельности марксовской стоимостной конструкции». По мнению Т.И. Артемовой, «вместо гармонии институциональной архитектоники, развернутой трудами Смита и Рикардо, в «Капитале» наблюдается диссонанс «бессодержательных» экономических форм» [с. 342]. Правда, аргументов в обоснование таких оценок у автора маловато, ... всего один. Он сводится к следующему утверждению: «Камнем преткновения в методологии трудовой теории стоимости является проблема трансформации стоимости в цену производства» [с. 333]. Этот довод противников марксизма, как известно, не нов. Он появился еще в конце 19 в., сразу после опубликования третьего тома «Капитала». Несостоятельность его неоднократно аргументировалась марксистами, начиная с Ф. Энгельса, и излагалась во всех советских учебниках политэкономии. Однако доводы марксистов, видимо, не интересуют Т.И. Артемову. Нам же представляется, что прежде, чем высказывать приведенные выше оценки марксизма, автору не помешало бы опровергнуть эти доводы. Голословные безапелляционные суждения вряд ли можно признать методом научной критики.

Т.И. Артемовой больше нравится теория А. Смита. Она привлекает ее тем, что в ней присутствует «сосуществование, по крайней мере, четырех различных толкований феномена экономической ценности:

- трудового обоснования стоимости;
- подхода, в соответствии с которым экономическая ценность определяется количеством купленного в свое распоряжение труда в обмен на товар;
- концепции издержек производства («аддитивной теории стоимости»), когда тремя источниками экономической ценности признаются заработная плата, прибыль и рента;
- истолкования с позиций времени труда, при котором стоимость обуславливается «той долей досуга, свободы и спокойствия», которой жертвует работник» [с. 335].

Несмотря на то, что перечисленные толкования стоимости, – как многократно указывали критики теории Смита, – исключают друг друга, автор считает, что «противоречивость методологии Смита оказывается лишь мнимой, кажущейся Более того, Смит ... заложил основы позитивно релятивистской теории экономической ценности как институциональной экономической теории в широком смысле» [с. 336]. Аргументы критиков теории Смита автор снова оставляет без внимания. Продолжателем дела Смита-Рикардо в разработке «Логики срединного пути», по мысли Т.И. Артемовой, является «концепция стандартного товара П. Сраффы, которая методологически сомкнула трудовую теорию стоимости, концептуальные подходы Дж. Кейнса, модель экономического равновесия Л. Вальраса, институциональную теорию цены А. Маршалла – то есть практически всю экономическую теорию в единстве ее маржинального, стоимостного и институционального методологических подходов». «Модель стандартного товара, – пишет автор, – можно считать одним из важнейших научных достижений XX в. на пути прояснения социально-экономических оснований теории относительности» [с. 350]. Не останавливаясь на этом далеко не бесспорном суждении автора, рассмотрим концепцию, предлагаемую самой Т.И. Артемовой.

В плане развития «Логики срединного пути» этот автор ставит задачу «подведения единой методологической платформы под каждый из названных теоретических подходов (трудовой теории стоимости, неоклассического синтеза и неоинституционализма. – Н.В.)», что, по ее мнению,

«одновременно снимает существующие здесь противоречия». «Конструктивным основанием такой платформы, – по мысли Т.И. Артемовой, – является понятие экономической ценности как блага» [с. 333]. «Мы, – пишет автор, – определяем экономическую ценность как экономическое благо (условие и результат человеческой хозяйственной деятельности), имеющее определенную полезную форму и выступающее в процессе общественного обмена в тройкой определенности стоимости, предельной полезности и цены». «Источниками экономической ценности, по мнению автора, выступают трудовая хозяйственная жизнедеятельность общества (в единстве труда физического и духовного – творчества) и относительная редкость (предельная полезность) блага (пространственно локализованная в каждый момент времени разнокачественная потребительная стоимость в форме благ, услуг, знаний, информации). Субстанцией отношений экономической ценности является бытие экономического пространства-времени, процесс исторического развертывания которого логически отображается во всем многообразии превращенных экономических форм (институтов) – предельной полезности, стоимости и цены, возникающих в процессе ценностного экономического выбора субъектов хозяйствования на различных его уровнях» [с. 334].

Позволим себе ряд критических замечаний в отношении концепции «экономической ценности».

1. В «тройкой определенности» «экономической ценности» не раскрывается, как взаимосвязаны стороны этой «определенности». По трудовой теории стоимости, цена – денежное выражение ОНЗТ (стоимости), которое под воздействием различных факторов отклоняется от точного соответствия стоимости. По теории предельной полезности, цена формируется как цена спроса (денежное выражение предельной полезности «предельного покупателя»). Иначе говоря, в соответствии с этими теориями конечным основанием цены являются совершенно различные субстанции. В одном случае – объективно определенная величина общественно необходимого рабочего времени; в другом – субъективная оценка полезности товара. Что же выражает цена в составе «экономической ценности»?
2. Если речь идет о предельной полезности блага, то она, как известно, неодинакова для различных потребителей, зависит от уровня их доходов и «предельной полезности» денег. Сколько потребителей – столько же и различных предельных полезностей. Поэтому включение предельной полезности в «экономическую ценность» делает последнюю совершенно не определенной. Здесь следует отметить, что категория предельной полезности используется в теории предельной полезности для объяснения формирования рыночных цен, а не как однозначно определенное свойство некоторого блага. При этом рыночная цена товара, по этой теории, и есть его «экономическая ценность».
3. Субстанцией стоимости служит рабочее время, «субстанцией» предельной полезности – степень субъективного удовлетворения от обладания товаром. А «субстанцией экономической ценности», по мысли Т.И. Артемовой, является «бытие экономического пространства-времени». Реальное пространство-время, как известно, имеет 4-х мерное измерение. Какое же измерение имеет «экономическое пространство-время», – это автором концепции не раскрывается? Вряд ли автору удастся вписать в «экономическое пространство-время» и соизмерить рабочее время и субъективные ощущения от обладания благом. Концепция «экономической ценности» представляется эклектической и неопределенной. Автору в разработке «Срединного пути» все же не удалось соединить несоединимое.

В.Н. Тарасевич ставит задачу создания «общей теории ценности (ОТЦ)» [с. 392]. Автором выделяются «ценностные отношения (ЦО)», «субстанцией и основанием которых» является «человеческая деятельность». Согласно гипотезе данного автора, «содержание ЦО в каждом сегменте жизнедеятельности суть противоречивое единство общей и особой составляющих. ...

В различных общественно-исторических условиях эти особые содержательные характеристики ЦО обретают соответствующие социально-экономические формы». Одной из таких форм являются стоимостные отношения [с. 396-397]. Как пишет автор, «субстанционально, ценность суть отношение представляемого субъектом, т. е. субъективного образа (в том числе, образца, идеала) реального объекта к самому реальному объекту. Оптимальный вариант такого отношения – соответствие реального объекта субъективному представлению о нем ... ценность является единством и синергией трех базовых элементов: 1) реальный объект; 2) субъективный образ (образец, идеал) этого объекта; 3) отношение соответствия между объектом и его субъективным образом» [с. 398]. Приведенная автором трактовка ценности не содержит каких-либо определенных общественных отношений, это – отношение некоего субъекта к объекту. Однако В.Н. Тарасевич отмечает, что субъективная оценка ценности всегда предполагает определенные общественные отношения и в этом смысле имеет конкретно-историческую определенность [с. 398–399].

Выделяя различные секторы «ценностных отношений», автор ставит перед собой задачу исследовать наименее изученную из них – «непосредственно очеловечивающую деятельность (НОД)». Под ней он понимает воздействие одного субъекта на другого и/или воздействие субъекта на самого себя [с. 406]». (На привычном языке под «НОД» понимается оказание некоторых видов личных услуг и занятие самосовершенствованием.) Результатом «НОД», по мысли автора, являются «вчеловеченные», т.е. «воплощенные в самом человеке» «сущностные человеческие силы (СЧС)» [с. 407]. Причем «НОД» имеет две стороны: «биоочеловечивающую и социоочеловечивающую». В.Н. Тарасевич пишет: «... результатом биоочеловечивающей деятельности (НОДбо) являются физиобиологические СЧС (СЧСфб), а социоочеловечивающей – интеллектуально-социальные СЧС (СЧСис). ССЧС суть противоречивое единство СЧСфб и СЧСис подобно тому, как НОДбо и НОДсо – противоречивые составляющие НОД. Соответственно, ценность ССЧС является единством ценности СЧСфб и ценности СЧСис» [с. 408–409]. Как полагает данный автор, «экономическая ценность» «СЧС» представляет собой единство «затратностной ценности» и «полезностной ценности». «Затратностная ценность» – это ценность «СЧС», расходуемых в процессе «НОД», а «полезностная ценность» – ценность «СЧС», создаваемых в процессе «НОД» [с. 409]. По аналогии с конкретным и абстрактным трудом В.Н. Тарасевич выделяет две стороны «НОД»: «С одной стороны, конкретная составляющая НОД, или конкретно очеловечивающая деятельность (НОДк), как расходование СЧС в их конкретной, особой целесообразной форме, сообщает вновь создаваемым СЧС (далее – новая группа СЧС – НГСЧС) вполне определенные качественные характеристики и таким образом формирует полезностную ценность этих новых СЧС (ЦПНГСЧС). С другой стороны, общеочеловечивающая деятельность или очеловечивающая деятельность вообще (НОДоб), как расходование СЧС в физиологически – биологическом смысле, образует затратностную ценность НГСЧС (ЗЦНГСЧС). Таким образом, ценность НГСЧС (ЦНГСЧС) предстает противоречивым единством ПЦНГСЧС и ЗЦНГСЧС» [с. 409].

В затраченных «СЧС» автором выделяются «прошлые» и «живые» «СЧС», результатом «прошлых СЧС» являются «накопленные СЧС», а «живых» – «текущие СЧС» [с. 410]. В.Н. Тарасевич также различает «прямые» и «косвенные СЧС». В свою очередь, как пишет автор, «прямые и косвенные СЧС могут быть основными, подготовительными, вспомогательными и сопутствующими» [с. 409]. Автор также полагает, что результаты «НОД» должны возмещать затраты, т.е. создаваемые «СЧС» должны покрывать израсходованные: «... для продолжения НОД, – пишет В.Н. Тарасевич, – в следующем цикле затраченные СЧС и субъекта, и объекта должны быть восстановлены, их затраты – возмещены... возмещение предполагает обмен НГСЧСо и НГСЧСс на потребные для такого возмещения опредмеченные и очеловеченные СЧС» [с. 417, 419]. Причем в этом обмене должна соблюдаться строгая эквивалентность: сколько «СЧС» затрачено, столько и возмещено. Более того, поскольку обмен – общественное отношение, то, как считает указанный

автор, «в данный отрезок времени величина общественных затрат на производство продуктов опредмечивания и очеловечивания фиксирована и соразмерна общественной полезности этих продуктов» [с. 424]. Изложенные общие положения своей концепции автор детализирует с учетом различий в содержании «НОД».

Представленные положения «общей теории ценности», на наш взгляд, имеют ряд уязвимых мест. Прежде всего это касается самого понятия «ценностных отношений». Объектом этих отношений, по мысли В.Н. Тарасевича, являются «вчеловеченные СЧС», которые могут складываться, эквивалентно возмещаться, обмениваться, иначе говоря, – количественно соизмеряться. Раз так, то что служит субстанцией этого соизмерения? Например, что делает количественно соизмеримыми «вчеловеченные» «интеллектуально-социальные СЧС», имеющие многообразные формы проявления (полученные знания, навыки, развитые способности). А каким образом соизмеряются между собой «физио-биологические СЧС», с одной стороны, и «интеллектуально-социальные СЧС», – с другой? Тезис автора о том, что «субстанцией ЦО» является «человеческая деятельность», ничего не проясняет, поскольку человеческая деятельность многогранна и качественно разнородна, непосредственно не сводима к чему-то однородному. Если «СЧС» качественно разнородны, то, на наш взгляд, рассмотрение их как количественно измеримых трудно признать корректным. По-видимому, В.Н. Тарасевич полагает, что соизмеримыми «СЧС» делает их «ценность». Но «ценность» определяется им как субъективная оценка степени соответствия образа объекта, – т.е. «СЧС», – самому объекту (тем же «СЧС»). Такое понимание «ценности» никоим образом не делает их количественно соизмеримыми. Например, субъект в ходе урока физики приобрел знание закона всемирного тяготения. Как оценить полученные им «СЧС», с каким образом нужно сравнить приобретенные знания? После урока физкультуры тот же субъект получил дополнительные «физио-биологические СЧС», – улучшил свои показатели в беге на 100 м. С каким образом нужно сравнить эти приобретенные «СЧС»? Допустим, что субъект полностью удовлетворен результатами и урока физики, и урока физкультуры. Степень соответствия образа объекту = 100%. Но как тогда сравнить результаты этих уроков между собой? У какого урока больше ценность, почему, на сколько, каких единиц? С другой стороны, учителя физики и физкультуры могут оценить приобретенные субъектом «СЧС» в других процентах «соответствия образу». Чья оценка ценности тогда будет более верной? Возможно, также и оценка родителями тех же результатов, оценка одноклассниками и т.д. и т.п. Сколько субъектов – столько и оценок ценности одних и тех же «СЧС».

Не является определенной и «затратностная ценность» «СЧС», которая образуется «очеловечивающей деятельностью вообще (НОДоб)» и, по мысли автора, представляет собой «расходование СЧС в физиологически – биологическом смысле». Во-первых, не ясно, почему «очеловечивающая деятельность вообще» сводится к «расходованию СЧС в физиологически – биологическом смысле» и не учитывает «интеллектуально-социальную» составляющую СЧС? Неужели для ценности затрат не имеет значения, какой квалификации и профессии «СЧС» расходовались? Во-вторых, не понятно, чем измеряется «расходование СЧС в физиологически – биологическом смысле». Видимо, можно предположить, что их мерой служат время «человеческой деятельности» и его интенсивность. Но даже если это так, то «затратностная ценность» не становится определенной. Ведь в зависимости от исполнителя «человеческой деятельности» на получение одного и того же результата потребуются разное количество затрат и столько же разных оценок «соответствия» этих затрат их «образу».

Видимо, для того, чтобы каким-то образом решить вопрос о соизмеримости «СЧС», В.Н. Тарасевич использует понятие «общественной ценности», но не объясняет, как формируется эта ценность, или чья субъективная оценка ценности считается «общественной ценностью». Это, на наш взгляд, не случайно, поскольку используемое В.Н. Тарасевичем понятие «ценности» в принципе исключает понятие «общественная ценность». Используется автором и понятие

«общественных затрат», величина которых «фиксирована и соразмерна общественной полезности ...продуктов». При этом автор не раскрывает механизм измерения и фиксации «общественных затрат»: кто их измеряет и фиксирует, на каком уровне, в каких единицах. То же касается и «общественной полезности», а также механизма установления ее соразмерности с «общественными затратами».

Сказанное, на наш взгляд, позволяет сделать вывод о том, что теоретические построения В.Н. Тарасевича не являются достаточно обоснованными. Главной причиной этого, как нам представляется, является попытка автора использовать абстрактно-всеобщие понятия, не имеющие какого-либо определенного экономического содержания, не привязанные ни к каким производственным отношениям, ни к каким отношениям присвоения. А экономическая наука, как уже говорилось, изучает производственные, – т.е. исторически определенные, – отношения. Автор поставил задачу изучить отношения в сфере услуг и саморазвития людей. Но эти отношения суть лишь один из аспектов системы производственных отношений. Поэтому они могут быть поняты лишь как элемент этой системы, а не вне ее, хотя и находятся «по ту сторону материального производства». Любая попытка анализа этих отношений в отрыве от общей системы производственных отношений, отношений присвоения, на наш взгляд бесплодна.

(Окончание в одном из следующих номеров).